

**И.М.Бунин, А.Ю.Зудин,
Б.И.Макаренко, А.В.Макаркин**

«СТАРАЯ ПАРАДИГМА» И НОВАЯ МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Террористическая атака на Америку 11 сентября и масштабный военно-политический ответ США начали менять мировой порядок, сложившийся за последнее десятилетие. Под вопросом оказалась геополитическая парадигма, утвердившаяся в результате исчезновения биполярного мира, порожденного «холодной войной». Чтобы понять, в каком направлении будет эволюционировать прежняя парадигма и сменится ли она новой, необходимо вернуться по меньшей мере на десятилетие назад, когда распад Советского Союза вызвал тектонические сдвиги в международных отношениях.

**Однополярный
мир
и геополитика
победителей**

На руинах биполярного мира возник новый мировой порядок, главной характеристикой которого стала однополярность. Геополитическую парадигму однополярного мира сформировала «коалиция победителей» в «холодной войне». В нее вошли страны, принимавшие участие в противостоянии СССР, их союзники по всему миру, а затем и восточноевропейские государства, избавившиеся от советского присутствия.

Позиции доминантного политического режима в мировой системе заняли США. Лидерство Америки обеспечивалось превосходством в ключевых ресурсах развития – экономических, технологических, военных, научных. Оно закреплялось и тем фактом, что США выступали держателем «цивилизационного стандарта».

Геополитическая парадигма, утвердившаяся после окончания «холодной войны», выстроила мировой порядок как иерархическую конструкцию, в которой есть центр и периферия, а пространство между ними организовано как система «концентрических кругов». Другой важной особенностью однополярного мира стала глобализация.

Однополярный мир формировался как открытая система, поскольку доминирующее положение заняли страны с рыночными экономиками и демократическими политическими режимами. Взаимная, хотя и асимметричная, открытость центра и периферии обеспечивала постоянную циркуляцию ресурсных потоков (капиталов, людей, информации) в масштабах всей мировой системы, что сопровождалось образованием новых зависимостей, противоречий и конфликтов, открытых и латентных.

Глобализация усиливала однополярность, способствуя экономической и политической гегемонии мировых центров. Правда, самим этим центрам также приходилось приспосабливаться к глобализации, выстраивать отношения с «периферией».

Наряду с обширной внешней периферией, сложившейся вокруг центра мировой системы, в самом центре под воздействием глобализации начала формироваться своя собственная, «внутренняя периферия». Мировые центры не справлялись в полной мере с экономической и культурной интеграцией новых членов. Этнический, расовый и конфессиональный состав западного общества усложнился, а внутри него появилась достаточно компактная «исламская составляющая». Еще одной характеристикой «внутренней периферии» стало отторжение глобализации и однополярного мира немногочисленной, но активной частью общества.

Однако в рамках межгосударственных отношений, отличающихся высокой институционализацией, возможности для противодействия однополярной системе резко ограничены. США и группа мировых лидеров в целом получили возможность устанавливать и корректировать правила по своему усмотрению.

Главный враг Запада – «социалистический лагерь» – исчез. В минувшее десятилетие в качестве «угроз» и «вызовов» рассматривался набор проблем, весьма важных и масштабных, но не враждебных западному миру: «страны-изгои», международная наркомафия, «ползучее» распространение ядерного оружия, опасность ядерного терроризма и т.п.

Отсутствие геополитического противника после окончания «холодной войны» помогло утверждению в политической элите Запада «комплекса превосходства», что и выразилось в односторонних действиях, без оглядки на традиционные международные форумы. Военная операция НАТО в Югославии показала, что Совет Безопасности ООН фактически лишился возможности накладывать вето на действия США и их западных союзников. Полицейские операции по всему миру опирались на концепции «глобальной юстиции» и ограниченного военного вмешательства с использованием «высокоточного оружия».

В сложившейся геополитической парадигме Россия заняла подчиненное положение. На Западе она воспринималась как побежденная страна, которая должна следовать в фарватере политики мировых лидеров, уступать и отступать. В то же время ее реальный геополитический статус был двойственным: утратив положение альтернативного полюса мировой системы, она сохранила ракетно-ядерный потенциал, а вместе с ним – и остаточную способность к самостоятельным действиям в постсоветском пространстве и на международной арене.

Независимое поведение «побежденной» страны вызывало на Западе раздражение; набирало силу стремление покончить с «ос-

татами» привилегированного геополитического статуса России; начался процесс расширения НАТО на Восток без встречного укрепления политических отношений с РФ. В России поведение Запада оценивалось как практика «двойных стандартов»; особенно остро была воспринята операция в Югославии, когда ради единой Европы пожертвовали интересами России на Балканах. Осуждалось и стремление Запада ограничить российское влияние на пространстве СНГ, в частности, поощрение блока постсоветских государств, стремящихся к большему обособлению от России (ГУУАМ).

Поведение «победителей» во многом определялось инерцией «холодной войны». Мир стал однополярным, с новыми противоречиями и конфликтами, но его геополитическая организация была унаследована от биполярного мира. Политическое равновесие и безопасность обеспечивались отношениями, сложившимися между коалицией победителей и ее союзниками. Другими словами, в самой архитектуре мировой политики оказалось заложено противоречие, которое, однако, первоначально оставалось латентным и открыто о себе не заявляло.

Накопление противоречий

К концу 90-х годов появились признаки того, что сложившаяся конструкция однополярного мира входит в полосу серьезных политических испытаний.

Во-первых, новая геополитика не смогла – и не особенно пыталась – в полной мере преодолеть наследие биполярного мира. Противоположный полюс раскололся на неравные части. Освободившиеся от советского влияния восточноевропейские страны быстро примкнули к «клубу победителей». Судьба других осколков альтернативного полюса сложилась по-разному, но они не были интегрированы в новый мировой порядок.

К первой группе таких стран относились Россия и Китай. Претензии этих стран на мировую гегемонию сошли на нет. Серьезной опасности для лидирующей роли США они не представляли. Политические элиты обновились или сменили свою ориентацию. Тем не менее наличие ядерного оружия и внушительный ресурсный потенциал наделял их статусом полуавтономных геополитических центров. Отношения этих стран с США и Западом выстраивались как сложная система сотрудничества и политического оппонирования. Они отказывались признавать идеологию «однополярности» и выдвинули альтернативную концепцию «многополярного мира», которая легитимизировала их независимое поведение. Наиболее часто эти страны выступали оппонентами политики США в регионах, расположенных на мировой периферии.

Особую группу за границей политических союзов Запада составляли Индия и Пакистан. В прошлом Индия поддерживала тесные отношения с Советским Союзом, Пакистан входил в орби-

ту военно-политического влияния США, но после краха биполярного мира обе страны по разным причинам оказались вне системы устойчивых отношений со странами Запада. Отсталая ресурсная база этих стран компенсировалась тем фактом, что каждая из них смогла прорваться в «ядерный клуб». Обе они выступали независимыми и соперничающими центрами политического влияния в своих регионах.

Еще одну категорию стран, политически не интегрированных в новый мировой порядок, составляли бывшие союзники России и Китая в «третьем мире» (Куба, Северная Корея, Ливия, Ирак и Иран). Их объединяли враждебные отношения с США и готовность провоцировать политическую напряженность и военные конфликты.

Во-вторых, новый мировой порядок столкнулся с ожесточенным противодействием на внешней периферии. Это активное, хотя и диффузное противодействие сильнее всего проявляется в мусульманском мире. Западные рецепты глобального урегулирования начинают давать сбои (Сомали, Ближний Восток).

«Исламская цивилизация» – понятие во многом условное. Саудовская Аравия не похожа на Афганистан, а Марокко – на Индонезию. Но именно исламская цивилизация с ее телеологией и государственно-правовой доктриной оказалась наиболее «резистентной» к модернизации по западным лекалам (по сравнению с другими восточными цивилизациями). Особое положение этих стран в процессе глобализации обуславливается еще целым рядом факторов: во-первых, их восприятием «флагмана Запада», США, как главного союзника своего врага – Израиля (что является сильным психологическим и политическим барьером даже для прозападных мусульманских элит). Во-вторых, нефтяным богатством, которое одновременно позволяет сгладить внутренние проблемы бедности и отсталости и повышает статус обладателей нефти на мировой арене. Наконец, в-третьих, заложенным в исламе правом на восстание против власти, если та, по мнению правоверных, отходит от исламских канонов.

В силу этих причин в недрах исламского мира сложился целый набор радикальных антизападных течений и группировок, готовых к восстанию против лидеров «однополярного мира». Причем многие из этих группировок пользовались слабостью, попустительством, а в ряде случаев и прямым покровительством правящих элит, особенно в «странах-изгоях».

В-третьих, в самих мировых центрах началась политическая дифференциация в отношении к однополярности. Объединенная Европа (особенно после Косово) склонна к большей политической независимости от США. В части западного общества глобализация и однополярный мир стали восприниматься негативно, культурная и политическая реакция на глобализацию проявляется в форме пра-

вого фундаментализма (расовая нетерпимость, ксенофобия, ужесточение иммиграционного законодательства), с одной стороны, и быстро набирающего силу движения антиглобалистов – с другой.

В целом к началу XXI в. возможности для противодействия однополярной системе на негосударственном уровне расширились. Два крайних проявления такого противодействия: международный терроризм под маской радикального исламского фундаментализма и концепция «глобального гражданского общества», подразумевающая солидарные политические действия широкой сети гражданских групп по всему миру, но главным образом в центрах мировой системы. Объектами и тех и других стали символы глобального мира, в котором доминируют США, – от закусочных «Макдональдс» до американских посольств и мест проведения саммитов «большой семерки».

«Победители» в «холодной войне» не смогли решить политических проблем нового миропорядка. Однополярный мир оказался неустойчив и пронизан культурными конфликтами, в нем набирали силу центробежные тенденции. Ответом США на первые признаки кризиса однополярного мира стало стремление выстроить новый фундамент политического лидерства на мировой арене в виде системы национальной противоракетной обороны (НПРО). Развертывание НПРО предполагает пересмотр основ международной безопасности и стратегического равновесия. «Противоракетный зонтик» в руках США позволил бы восстановить политический контроль над коалицией стран Запада. Для России это означало пересмотр концепции ядерного паритета с США, основополагающей для «биполярного мира» и по инерции – главного аргумента российской «стратегической автономии» в 90-е годы.

В проекте НПРО «страны-изгои» играли роль не столько реального противника, сколько виртуальной причины, которая была призвана политически обосновать переход США к новой системе национальной безопасности. Вызов, который они могли бросить США, был совершенно не соизмерим с усилиями и объемом ресурсов, выделяемых на развертывание НПРО. Реальными объектами противодействия, по мнению США, выступали полуавтономные геополитические центры, к числу которых, помимо России, принадлежит Китай. Показательно, что параллельно с политическими усилиями по началу работы над НПРО, выстраивалась и более «жесткая» линия США по отношению к Китаю.

**После
11 сентября:
Геополитика
«антитеррора»**

Террористическая атака на США перевела кризис мировой геополитики из латентного состояния в открытую фазу. Центр мировой системы впервые стал объектом агрессии со стороны внешней периферии. Было продемонстрировано, что там располагаются силы, не просто отторгающие политическое лидерство США, но способные нанести им политически неприемлемый

ущерб. На геополитической карте мира у Соединенных Штатов появился новый и необычный враг, против которого они оказались практически беззащитны. Сложившаяся система безопасности опирались на отношения между государствами, но оказалась бессильной против принципиально новой угрозы.

Антитеррористическая операция, развернутая США в ответ на террористические удары радикальных исламских фундаменталистов, преследует две группы целей – ближайшие и стратегические. Ближайшие – это «возмездие» (или компенсация морально-политического ущерба) и ликвидация опорных баз Бен Ладена и организации «Аль Каида» в Афганистане.

В то же время США не намерены ограничиваться обычным «возмездием», они постараются сделать свой ответ соразмерным реальным масштабам вызова, с которым они столкнулись. И состав коалиции, и серьезная подготовка к операции возмездия свидетельствуют о том, что борьба с терроризмом продолжится длительное время и может выйти за пределы Афганистана.

Политическую ситуацию, сложившуюся в мире после 11 сентября, США стремятся использовать для восстановления своей репутации мирового лидера и закрепления гегемонии в мировой системе. Атака на «сердце» однополярного мира приводит, во всяком случае в краткосрочной перспективе, к усилению «монополярности». К уже проявившимся чертам «переходного миропорядка» относятся:

1. Укрепление глобального лидерства США. В ситуации, когда США пошли на масштабную и затяжную войну с терроризмом, их лидерство в мировых делах не подвергается сомнению. Можно сказать, что «максималистская» формулировка Буша «кто не с нами, тот с террористами» достаточно точно описывает состояние дел. Открыто против операции высказывается лишь Саддам Хусейн, остальные недовольные молчат или возражают по частностям.

2. Новая роль союзников. Вместе с тем глобальный характер операции делает Америку в определенной степени зависимой от союзников, поэтому даже нюансы позиции последних приобретают особое значение. Целый ряд стран пытается выстроить свои отношения с США так, чтобы подчеркнуть собственную значимость, максимизировать отдачу от участия в коалиции. Подчеркнем, что в большинстве случаев речь идет не о препятствиях для США (так можно характеризовать разве что отказ Саудовской Аравии от предоставления своих аэродромов и командных пунктов), а именно о конкретных формах участия. Так, многие европейские союзники США последовательно выступали за тщательный и обоснованный выбор целей бомбардировок; Великобритания привнесла в коалицию не только свои вооруженные силы, но и дипломатический опыт и потенциал (например, британский министр иностранных дел нанес первый за многие годы визит в Тегеран, встретился с лидерами Израиля и Палестинской автономии). Вашингтону пришлось при-

слушаться к требованиям не распространять операцию на другие страны, в первую очередь – арабские. Не случайно, что именно сейчас активизировалась деятельность по созданию «европейской армии» – автономного потенциала для миротворческих операций.

3. НАТО. Состояние войны придает новую значимость блоку НАТО. Хотя формально война в Афганистане не является операцией НАТО, «атлантическая солидарность» проявилась достаточно сильно. Все страны-члены альянса подтвердили свои обязательства, вытекающие из пятой статьи Вашингтонского договора о коллективной самообороне. В ближайшем будущем следует ожидать активизации приема новых членов. При этом наглядно проявляется лидерство США в рамках НАТО, вызвавшее смешанные чувства у европейцев после операции в Косово.

4. ООН. «Антитеррористическая операция» отразила противоречивость роли ООН в мире. С одной стороны, престижу ООН нанесен серьезный удар: решение о проведении операции принималось вне рамок этой организации: для США был неприемлем сам факт вынесения подобного вопроса на обсуждение международным форумом. Однако к авторитету ООН придется прибегнуть: этого требуют не только Россия и Китай, но и многие другие страны (что, в частности, проявилось на Шанхайском форуме АТЭС). Для завершения операции и особенно – для установления нового режима в Афганистане потребуются «нейтральный» и легитимный флаг ООН.

5. НПРО. Новый геополитический контекст по сути дела окончательно решает вопрос о необходимости пересмотра договора о ПРО. Оппозиция этому проекту внутри США и среди европейских союзников сойдет на нет; остается найти взаимоприемлемое решение с Россией.

6. Мусульманский мир. В своей мусульманской политике США предстоит решить сложную задачу: обеспечить лояльность «нормальных» исламских государств и побудить их предпринять меры по обузданию реальных и потенциальных террористов на своей территории. При этом Америка должна учитывать, что большинство таких режимов (даже не будучи либеральными демократиями) вынуждены считаться с собственным общественным мнением и минимизировать выступления протеста.

В частности, в отношении Пакистана США уже пришлось пойти на снятие санкций, которые были введены за очень неприятное для Запада (кстати, и России тоже) нарушение режима нераспространения ядерного оружия. Еще более болезненным может стать вынужденное молчание Запада в том случае, если военный режим Пакистана применит силу против собственного населения.

Не исключено, что за поддержку антитеррористической операции мусульманский мир потребует от США активизации усилий по урегулированию ближневосточного конфликта (как это произошло в связи с операцией «Буря в пустыне»).

7. **Локальные конфликты.** Ряд стран попытался использовать изменившийся международный климат для достижения своих политических целей. Речь идет о попытках Израиля, Индии, Китая и Грузии силой подавить очаги вооруженного сепаратизма или террористические анклавы на собственной или сопредельной (спорной) территории – соответственно, в Палестине, Кашмире, Синдзян-Уйгурском автономном районе и Абхазии. В большинстве случаев это привело к новым конфликтам в «анти-террористической» коалиции, но с другой стороны, расширило возможности США играть роль арбитра в этих конфликтах.

8. **«Правила игры».** После 11 сентября не могут не измениться общие рамки «правил игры» в международных отношениях. Очевидно, что подвергавшееся критике понятие «преследования террористов» на территории суверенных государств, превентивное нанесение ударов по их базам станет общепринятым. Утвердится и более жесткий стиль в иммиграционной и визовой политике. Следует ожидать и резкой эрозии легитимности понятия «вооруженные борцы за свободу». Отношения к повстанцам в разных частях света всегда были двоякими и конъюнктурными. Вряд ли такая двусмысленность исчезнет окончательно, но опасность терроризма, исходящая от подобных движений (не исключая и Северной Ирландии, и Косова, и, возможно, Чечни), заставит Запад гораздо жестче относиться к самому факту их существования. Не случайно, в последние недели отмечался резкий спад финансовых пожертвований из США ирландским организациям.

Изменилась оценка США талибов, масхадовских чеченцев и Палестинской автономии. Талибы – абсолютно нелегитимны и тесно связаны с терроризмом, поэтому в борьбе с ними «все позволено» (кроме того, что однозначно выглядит «чрезмерным применением силы» против мирного населения). Не будем забывать, что кроме всего прочего талибы – «непосредственные враги» США. Чеченцы – «мятежники», не имеющие права на отделение от России и, возможно, связанные с международным терроризмом, но вместе с тем – политические представители конкретного «меньшинства», против которого Россия применяет «чрезмерную силу». Власти Палестинской автономии – легитимны, они участвуют в спонсируемом США процессе урегулирования, но неспособны (и/или не желают) обуздать собственных радикалов и террористов. Соответственно, применительно к этим силам США занимают позицию разной степени жесткости, что зачастую воспринимается в России и Израиле как «двойной стандарт».

9. **Внутренняя политика стран Запада.** Теракты уже привели к росту массовых фобий, страхов и усилению мер безопасности. Самым наглядным примером, разумеется, является реакция на «письма с белым порошком». Другой тип фобий связан с мусульманскими меньшинствами в странах Запада. Силам правопоряд-

ка удалось минимизировать «погромные проявления», но отношение к «инородным» меньшинствам не может не стать менее толерантным. На волне страхов легко «проходят» законы, расширяющие права правоохранительных органов в части вмешательства в считавшуюся священной сферу частной жизни.

Еще одно внутривнутриполитическое явление на Западе – активизация антивоенного движения: против военной операции сегодня протестуют не только традиционная «семья» общественных движений, но и отдельные фигуры из политического истеблишмента. Сценарии развития пацифистских настроений зависят от хода антитеррористической операции.

**Россия
и Запад: новые
отношения
в меняющейся
парадигме**

В ситуации, сложившейся после 11 сентября, Россия увидела для себя исторический шанс ускорить начавшееся сближение с Западом. Во взаимоотношениях с внешним миром внезапно возникла «точка бифуркации», способная определить будущее развитие страны. В.Путин повел себя как «лев» – он не следовал за настроениями общества и элиты, не искал компромиссов и обходных маневром, а решительно заявлял позицию и действовал в соответствии с ней. Подобным же образом В.Путин вел себя осенью 1999 г. по чеченскому вопросу или весной 2001 г., инициировав начало большой реформы.

Решение В.Путина о присоединении к «антитеррористической» коалиции не было неожиданным. Его обусловили несколько факторов:

- политический прагматизм, который характеризует подход Путина к принятию важнейших политических решений;
- логика «большой реформы», которая требовала расширения сотрудничества с Западом (характерно высказывание В.Путина в Шанхае о пагубности изоляции для экономики страны);
- прорыв, достигнутый на первой встрече В.Путина с Дж.Бушем в июне 2001 г.; с этого времени «дух Любяны» стал составной частью российско-американских отношений, хотя и не определял их полностью.

Присоединившись к антитеррористической коалиции, В.Путин сделал важный политический выбор, продиктованный прагматическими соображениями. В ситуации, возникшей в мире после 11 сентября, геополитическое положение России, ее ресурсы и система связей из ограничителей неожиданно превратились в капитал, пользующийся высоким спросом.

Президент России «инвестировал» в антитеррористическую операцию США несколько важных ресурсов:

- сдержанность в ответ на масштабную мобилизацию американской военной машины;
- полную морально-политическую поддержку операции возмездия в Афганистане;
- сотрудничество по линии спецслужб;

– доступ к территории операции (через воздушное пространство России и государства Центральной Азии);

– политическое влияние на Северный альянс – главную силу вооруженной борьбы с режимом талибов внутри страны.

Таким образом, свое участие в антитеррористической коалиции Россия ограничила косвенной поддержкой военной операции США в Афганистане. Одновременно широко открылись двери для последующих переговоров. Было заявлено, что другие формы поддержки со стороны России будут зависеть от качества отношений с Западом.

Вступление в антитеррористическую политическую коалицию позволило Путину решить несколько ближайших задач. Прежде всего, удалось добиться частичной легитимации антитеррористической операции в Чечне. Восприятие Западом политики России стало более цельным. Раньше действия Путина оценивались противоречиво: с одной стороны, продолжение либеральных экономических реформ, с другой – Чечня, ограничения свободы слова, контакты со «странами-изгоями». События 11 сентября привнесли в политику Путина дополнительную «западническую» окраску. Началось политическое сближение России с Западом.

Сегодня радикальные перемены более заметны в общем настрое отношений, по конкретным проблемам идет постепенное накопление «нового содержания», что позволяет говорить об «окне возможностей» для России в смысле выстраивания качественно иных отношений с США и Европой и определения своего места в мире. Вопрос в том, как именно и в какой мере эти отношения будут перестроены по основным проблемным блокам.

1. Отношения «Россия – НАТО». Политическое взаимодействие НАТО – Россия активизировалось. Тот факт, что НАТО – не враг, был признан ранее, когда Россия вернула в Брюссель своего представителя и фактически восстановила ограниченное партнерство с этим военно-политическим блоком. Но военный аспект НАТО для России оставался весьма болезненным. Теперь Москва заявляет о готовности согласиться с расширением НАТО в том случае, если она начнет трансформироваться в политическую организацию. Ясно, что НАТО не перестанет быть военным союзом. Реально речь идет о выстраивании качественно нового механизма консультаций между НАТО и Россией по вопросам безопасности: в таком духе, например, выдержано предложение британского премьера Тони Блэра о создании Российско-Североатлантического совета с более высоким статусом, чем нынешний «Постоянный совет Россия-НАТО». Конечно, Россия не получит «права вето» (которым формально обладает любой член блока), но может добиться большего учета и внимания к своей точке зрения. Если у России и Запада будет схожее представление об общих приоритетных угрозах, такой механизм способен функционировать достаточно успешно.

2. Договор о ПРО. В публично заявленных в Шанхае позициях России и США по судьбе этого договора сохраняются значительные противоречия: США жестко настаивают на его пересмотре, Россия деликатно выражает сомнения в масштабе угрозы «ядерного терроризма». Характерно, что президент Буш воздержался от такого резкого шага, как односторонний выход США из договора. Правда, ноябрьская встреча Путина и Буша не привела к компромиссу, нет пока и взаимоприемлемого решения о судьбе договора СНВ-3. Но обе стороны выражают надежду на то, что решение проблемы будет найдено и не склонны делать из проблемы ПРО «камень преткновения», мешающий рассмотрению других двусторонних проблем.

3. Геоэкономические проблемы. Обещание ускорить процесс признания России страной с рыночной экономикой и вступления в члены ВТО означает не смягчение или изменение стандартов, а устранение политически мотивированных бюрократических и процедурных препятствий на пути экономической интеграции России в мировую систему. Косвенным образом это влияет и на фактическое повышение статуса России в «большой восьмерке».

4. Чеченская проблема. Позиция Запада по Чечне изменилась в благоприятную для России сторону. Был принят российский тезис о связи чеченских боевиков с международным терроризмом. Теперь эмиссарам чеченских сепаратистов станет труднее работать на Западе. Критика российской политики в Чечне на официальном уровне будет приглушена.

В то же время первоначальная попытка России напрямую увязать проблему Чечни с антитеррористической операцией успеха не имела. То, что для Запада было неприемлемо в российской операции в Чечне раньше, неприемлемо и после событий 11 сентября. Как и раньше, Масхадов продолжает восприниматься как политическая фигура, остаются претензии к России по поводу нарушения прав человека в Чечне, а также отсутствия прогресса в политическом урегулировании (мягкие формулировки по этому поводу сохранились даже в выступлении Дж.Буша в Шанхае). Поэтому не случайно, именно в октябре официальная Россия сделала первые шаги к началу политического диалога с лидерами сепаратистов.

5. Демократизация в России. Запад не отказался от критики России по вопросам соблюдения прав человека и свободы слова, хотя эта критика приглушена и дипломатически корректна. Представляется, что восприятие Западом (как официальным руководством, так и всей политической элитой) России как страны, «не дотягивающей» до западных стандартов демократии, в целом сохранится на долгую перспективу, но эта «дистанция» имеет все шансы существенно сократиться.

6. Проблема Афганистана. США, похоже, приняли политическое присутствие России в Афганистане как реальность. В условиях, когда американцы не уверены в «устойчивости» схемы по-

слевоенного устройства Афганистана, включение Северного альянса в коалиции с королем Захир-шахом в схему урегулирования стало естественной «точкой соприкосновения» с российскими интересами. Тем не менее объективная сложность проблемы «послевоенного устройства» остается предметом разногласий. И Россия, и США стремятся максимально учитывать интересы своих непосредственных союзников – соответственно, Северного альянса и Пакистана. Поэтому Москва солидаризируется с Раббани в том, что талибам «нет места» в послевоенном устройстве, а Вашингтон говорит об «умеренных талибах». Скорее всего, общность стратегических целей позволит не допустить углубления этих противоречий, но «торг» по афганскому вопросу будет продолжаться на последующих этапах операции в этой стране.

7. СНГ. На пространстве СНГ самым существенным сдвигом, скорее всего, станет фактическое признание Соединенными Штатами ведущей роли России в этом регионе. Подчеркнем, что тем самым США лишь примут как данность объективно набирающую силу тенденцию: России за последние годы удалось добиться существенного укрепления своего авторитета практически во всех государствах СНГ, до последнего времени «парадигма соперничества» мешала американской дипломатии сделать поправку на новую реальность. Теперь заинтересованность в активной роли России побудит американцев в большей степени учитывать интересы Москвы, не поощрять или даже «осаживать» антироссийские устремления некоторых государств (примером стал фактический отказ США поддержать Грузию в ситуации конфликта в Кодорском ущелье Абхазии). Вместе с тем, ввиду новой важности центральноазиатского региона для американской стратегии, следует ожидать, что США будут более активно развивать отношения с государствами этого региона; потенциально это может привести к соперничеству с Россией.

Оценивая перспективы отношений России с Западом, необходимо помнить, что для обеих сторон сближение диктовалось прагматическими причинами, конкретными задачами борьбы с угрозой глобального террора. Но уже почти сразу проявились важные психологические сдвиги. Для американцев Россия перестает быть «ни другом, ни врагом». Если Россия и не стала «своей», то по меньшей мере перестает быть «чужой». Для России удар по США также послужил снижению «антиамериканизма». Помимо общеполитического соображения о том, что у нас появился общий враг, работает и компенсаторный психологический механизм: *Америка не так неуязвима, как казалось, значит и наша геополитическая уязвимость не так велика.*

Воспользовавшись этим изменением политического климата, В.Путин решил на объективно назревшую коррекцию стратегических приоритетов. Граничившее с изоляционизмом «упрямство» России в стратегических вопросах становилось все

большим бременем, создавало проблемы для внутренней и внешней экономической политики. Попытка жестко оппонировать Западу по проблемам ПРО и расширения НАТО была в принципе бесперспективной. В этих условиях союз с Западом против очевидного общего врага дал уникальную возможность «вставить» решение этих проблем в более широкую геополитическую рамку, добиться от Запада встречных шагов и «сохранить лицо» там, где России объективно придется идти на уступки.

«Новое качество» отношений с Западом будет рождаться постепенно и не без осложнений. Приведенный выше анализ конкретных «подвижек» свидетельствует, что не по всем направлениям России удалось добиться желаемого. Реакция элиты и СМИ на закрытие станции радиослежения на Кубе продемонстрировала появление потенциала недовольства тем, что воспринимается как «односторонние уступки». «Позитив» от достигнутых сдвигов в ряде случаев заработает не сразу. Могут возникать и новые, хотя, скорее всего, частные размолвки с США (например, по вопросам послевоенного устройства в Афганистане). Однако, пока «момент движения» навстречу Западу остается значительным, а внутривнутриполитические препятствия кажутся весьма умеренными, Россия имеет неплохой шанс утвердиться в новой роли в международных отношениях, стать значимым партнером для Запада и получить более благоприятную внешнюю среду для реализации программы реформ.

* * *

Очертания новой геополитической парадигмы остаются расплывчатыми. На пути ее становления сохраняются высокая неопределенность и многочисленные препятствия, как внешне-, так и внутривнутриполитического характера.

Главная неопределенность касается перспектив антитеррористической операции США. Даже после падения режима талибов остается неясным, сколько времени займет эта операция, в какой мере будут реализованы поставленные цели и насколько успешным станет этап политического урегулирования. Кроме того, сохраняется высокая опасность повторения масштабных террористических акций; следует ожидать усиления фундаменталистских и экстремистских настроений в исламском мире в качестве реакции на западный «крестовый поход».

Но все эти неопределенности касаются среднесрочной перспективы. В ближайшие же несколько месяцев в международных отношениях будут доминировать тенденции, описанные в настоящем прогнозе.